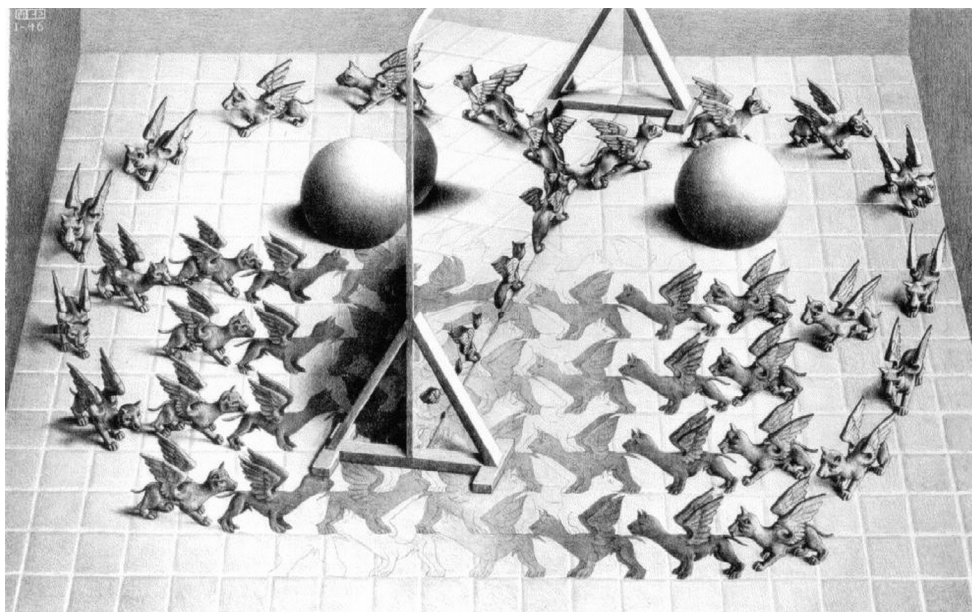

ТЕОРИИ, КОНЦЕПЦИИ, ПАРАДИГМЫ

Магическое зеркало. Гравюра Маурица Корнелиуса Эшера. 1946.

УДК 165.6 Витгенштейн

Сорина Г.В.

Коммуникативное пространство психологизма и антипсихологизма (на примере философии Л. Витгенштейна — раннего и позднего)¹

Сорина Галина Вениаминовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии языка и коммуникации Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель Научно-образовательного центра (НОЦ) «Философско-методологическое проектирование и принятие решений» Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: gsorina@mail.ru

В статье прослеживается возможность интерпретации философии Л. Витгенштейна в контексте ЛКД-методологии (методологии логико-культурной доминанты). Проводится мысль о том, что последовательный анализ собственно текстов Витгенштейна, как раннего, так и позднего, позволяет выявить в этих текстах отдельные элементы спора между психологизмом и антипсихологизмом в философии XX в. Обосновывается возможность интерпретации философии Л. Витгенштейна в контексте ЛКД-методологии, как раз и позволяющей показать влияние субъектно-ориентированной среды на коммуникативные процессы, протекающие в различных коммуникативных пространствах, в данном случае – в коммуникативных пространствах миров психологизма и антипсихологизма.

Ключевые слова: интерпретация, философия Витгенштейна, ЛКД-методология (методология логико-культурной доминанты), психологизм, антипсихологизм, «семейное сходство», «языковая игра», симптом, критерий, значение как употребление, коммуникативные процессы, коммуникативное пространство.

Возможность интерпретации философии Л. Витгенштейна в контексте ЛКД-методологии² определяется, с одной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Философско-методологические основания анализа коммуникативного пространства», № 14-03-00738.

² См. подробнее: Сорина Г.В. Методология логико-культурной доминанты: психологизм, антипсихологизм, субъект [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». 2013. Т. 3. Вып. 2. Режим доступа: <http://e-almanac.space-time.ru/index/tom-3.-vyipusk-2/>.

стороны, самим фактом во многом контекстного, афористичного, метафоричного характера его философии, с другой, – тем, что последовательный анализ собственно текстов Витгенштейна позволяет выявить в них отдельные элементы спора между психологизмом и антипсихологизмом в философии XX века.

Существующие интерпретации философии Витгенштейна представлены в самых разных контекстах, например:

- в социальном контексте, как это делает П. Уинч¹;
- в контексте философии математики, как это делает С. Крипке²;
- в кросс-культурном контексте, как это делает Н.В. Медведев³;
- и так далее, примеры можно умножить.

Кроме того, существует множество разнообразных контекстов личностной и интеллектуальной биографии Л. Витгенштейна⁴, которые тоже оказали влияние на его философские размышления. Правда, применительно к гению Витгенштейна все виды его земных биографий крайне трудно разделить. Но именно контекстуальный характер творчества Витгенштейна, включая биографические контексты, позволяет мне предложить еще один подход к интерпретации его философских размышлений. Для меня важно проследить, как проявляются идеи Витгенштейна, раннего и позднего, в контексте такой ЛКД (лого-культурной доминанты) эпохи, как психологизм – антипсихологизм. В то же время мне хотелось бы проследить и то, как работает ЛКД-методология на примере творчества Витгенштейна. Ведь сама ЛКД-методология формируется в целостных контекстах, как философии, так и культуры и при этом способствует формированию своего собственного коммуникативного пространства.

Спор между психологизмом и антипсихологизмом задает особое коммуникативное пространство, в центре внимания которого находится обсуждение вопроса о месте и роли субъекта в этом пространстве и которое охватывает различные области науки и культуры. Миры психологизма и антипсихологизма неоднозначны и неоднородны. Тем не менее, это именно миры, у которых есть свои специфические характеристики, они могут быть исследованы, например, с учетом принципа «семейного сходства» Витгенштейна. Внешнее мое утверждение выглядит весьма противоречиво. Принцип «семейного сходства» не предполагает никакой заданности. Он исходит из возможности рассмотрения сходств, родственных взаимосвязей какой-то группы явлений.

«А результат этого рассмотрения следующий: мы видим сложную сеть частично совпадающих и перекрывающихся сходств – иногда это сходство в большом, иногда – в малом»⁵.

В свою очередь, идея ЛКД предполагает некоторый элемент заданности, проявляющийся, например, в возможности присутствия ее проблематики в качестве определенной пресуппозиции в творчестве целого ряда исследователей, даже если они не обсуждают явным образом в своих работах проблемы, зафиксированные в ЛКД. В частности, на мой взгляд, это проявляется и в творчестве Витгенштейна. Что же касается возможности выявления элементов ЛКД эпохи (в данном случае психологизма-антипсихологизма) в концепциях как раннего, так и позднего Витгенштейна, то, как мне представляется, ни принцип «семейного сходства», ни концепция «языковых игр», ни понимание значения как употребления, т.е. ни одна из важнейших идей позднего Витгенштейна, не противоречит такому подходу к анализу его философского наследия.

Первичный глубинный анализ на базе ЛКД-методологии показывает, что различия проявляются лишь в разных типах пространств, в которых представлены эти явления, и, в то же время, общностью коммуникативных способов взаимодействия. Такое утверждение становится возможным, если проанализировать коммуникативные процессы, протекающие в разных пространствах с точки зрения единой субъектно-ориентированной методологии. В этих явлениях явным образом можно зафиксировать общность в различиях, что делает особенно актуальным философско-методологический анализ тех коммуникационных процессов, без которых невозможно себе представить современную социальную среду, социальное пространство, современную культуру в целом. Исследование коммуникационных процессов может проходить на разных уровнях абстракции, оно зависит, в частности от того, как трактуются понятия общества, субъекта, социального пространства, социальной среды, коммуникации и возникающих на этой основе новых сложных понятий, включая такие, как: «коммуникативное пространство», «коммуникативная среда». Но такой контекст в целом делает явленной саму возможность использования ЛКД-методологии к анализу проблем коммуникации.

Антитеза психологизма и антипсихологизма как лого-культурная доминанта (ЛКД) эпохи присутствует в контексте культуры первой половины XX в., и именно в этом качестве она и проявляется в творчестве Л. Витгенштейна. Если автор «Логико-философского трактата» занимает определенно антипсихологистическую позицию, то поздний Витгенштейн приходит к необходимости учета некоторых субъектных факторов в изучении естественного,

¹ См.: Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии, М.: Русское феноменологическое общество, 1996. См. также: Hutchinson P., Read R., Sharrock W. *There is No Such Thing as a Social Science. In Defence of Peter Winch*. Surrey, UK: Ashgate Publishing, Ltd, 2008; Bloor D. *Wittgenstein, Rules and Institutions*. London: Routledge, 1997.

² См.: Kripke S.A. *Wittgenstein on Rules and Private Language*. Oxford: Blackwell, 1982 (русский перевод: Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск: Изд-во Томского университета, 2005). См. также: Wright C. *Wittgenstein on the Foundations of Mathematics*. Cambridge: Harvard University Press, 1980; Shanker S. *Wittgenstein and the Turning Point in the Philosophy of Mathematics*. New York: State University of New York Press, 1987; Baker G.P., Hacker P.M.S. "On Misunderstanding Wittgenstein: Kripke's Private Language Argument." *Synthese* 58.3 (1984): 407–450.

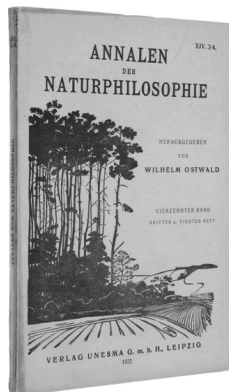
³ См.: Медведев Н.В. Л. Витгенштейн и проблемы кросс-культурного понимания. Дисс. ... д. ф. н. Табов, 2007; Он же. Витгенштейн о культуре и человеческой природе // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: Сб. научных статей. Вып. IV. СПб., 2006. С. 34–40. См. также: DeAngelis W.J. *Ludwig Wittgenstein – a Cultural Point of View: Philosophy in the Darkness of this Time*. Surrey, UK: Ashgate Publishing, Ltd., 2012.

⁴ См. об этом подробнее: Хинтика Я. О Витгенштейне. М.: Канон+, 2013.

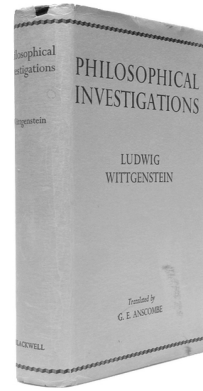
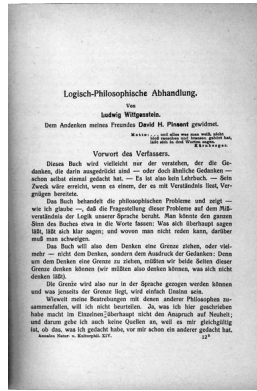
⁵ Витгенштейн Л. Избранные тексты // Грязнов А.Ф. Материалы к курсу критики современной буржуазной философии (Философия языка Л. Витгенштейна). М.: МГУ, 1987. § 66. С. 66.

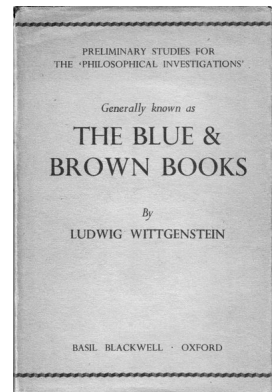
Людвиг Витгенштейн
(Ludwig Josef Johann
Wittgenstein; 1889–1951).
Фото 1921 г.

Обложка (слева) и первая страница (справа)
первого издания «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна (Logisch-Philosophische Abhandlung, Annalen der Naturphilosophie, no. 14, Leipzig, 1921)

Обложка первого
издания «Фило-
софских исследо-
ваний» (Philosophi-
sche Untersuchun-
gen / Philosophical
Investigations.
Oxford, 1953)

Обложка первого изда-
ния «Голубой и кори-
чневой книг» (Preliminary
studies for the 'Philosophi-
cal Investigations' gen-
erally known as The Blue &
Brown Books. Oxford,
1958)

обыденного языка. Как показывает Витгенштейн в «Философских исследованиях», цепочки взаимосвязей между различными элементами «живого» языка оказались намного сложнее однозначных логических выводов. В этих цепочках в результате деятельности появляется знание. В размышлениях Витгенштейна проблемы психологизма и антипсихологизма присутствуют, но нигде, насколько я знаю, данная проблематика не сформулирована им в форме какой-либо декларации психологистической или антипсихологистической позиции. Это произошло, на мой взгляд, в силу разных причин. Одна из них связана с указанной выше характеристикой текстов Витгенштейна, которым присущ фрагментарный, афористичный, притчевый характер. В силу этого огромная часть его размышлений, их предпосылки остаются вне рамок текстов. Витгенштейн в письме своему издателю писал:

«Моя работа состоит из двух частей: той, что представлена здесь, плюс все то, что я не написал. И именно эта вторая часть является наиболее важной»¹.

На мой взгляд, если установка антипсихологизма как ЛКД эпохи присутствует в творчестве раннего Витгенштейна, то принадлежит она к той части его работы, которую он «не написал», точнее – не сформулировал в явном виде. В таком случае могут возникнуть по крайней мере два вопроса. Во-первых, как можно обосновать такое предположение? Во-вторых, что это дает для понимания и интерпретации творчества Витгенштейна? Постараюсь ответить на оба вопроса. Для ответа на первый вопрос воспользуюсь проведенным Витгенштейном в «Голубой книге» различием между понятиями «критерий» и «симптом». Ответ на второй вопрос, как представляется, будет вытекать из ответа на первый.

Мой первый вопрос вполне соответствует следующему вопросу Витгенштейна: «Как вы знаете, что то-то и то-то имеет место?» Отвечая на него, мы, по Витгенштейну, иногда предлагаем критерии, иногда – симптомы. Разъясняет он свой подход следующим образом:

«Если медицинская наука называет ангину воспалением, вызванным определенной бациллой, и мы в конкретном случае спрашиваем: "Почему вы говорите, что у этого человека ангина?", тогда ответ: "Я нашел бациллу того-то в его крови" дает нам критерий или то, что мы можем назвать "определяющим критерием" ангины. Если же, с одной стороны, ответ был: "Его горло воспалено", то это могло бы дать нам симптом ангины. Я называю "симптомом" феномен, в отношении которого опыт научил нас, что он совпадает тем или иным образом с феноменом, являющимся нашим определяющим критерием. Поэтому сказать: "У человека ангина, если у него обнаружена эта бацилла", – значит выразить тавтологию или же дать нестрогое определение ангины. Но сказать: "У человека ангина тогда, когда у него воспалено горло", – значит выдвинуть гипотезу»².

Таким образом, гипотеза оказывается симптомом, если ее проявления можно обнаружить в том-то и том-то.

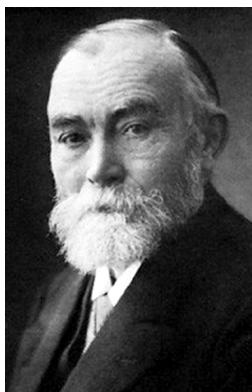
Если бы Витгенштейн явным образом сформулировал свою психологистическую или антипсихологистическую позицию, это было бы критерием того, что проблематика психологизма – антипсихологизма присутствует в его исследованиях. В таком случае доказывать ее наличие в текстах Витгенштейна не было бы нужды, это явилось бы тавтологией в смысле Витгенштейна. Можно было бы только анализировать, как проявляется психологизм или антипсихологизм в его концепции, какое место они занимают в витгенштейновских исследованиях. Поскольку таких явных указаний в текстах Витгенштейна нет, можно говорить только о симптомах проявления этого «заболевания» гуманитарной культуры в его текстах.

¹ Цит. по: Грязнов А.Ф. Этическая проблематика в трудах Л. Витгенштейна // Историко-философский ежегодник, 89. М.: Наука, 1989. С. 236.

² Витгенштейн Л. Избранные тексты // Грязнов А.Ф. Материалы к курсу критики современной буржуазной философии (Философия языка Л. Витгенштейна). М.: МГУ, 1987. С. 56.

Бертран Рассел (Bertrand Arthur William Russell, 3rd Earl Russell, 1872–1970). Фото второй половины 1910-х гг.

Готтлоб Фреге (Friedrich Ludwig Gottlob Frege, 1848–1925), немецкий логик, математик и философ

То, что Витгенштейн был знаком с основными идеями спора между психологизмом и антипсихологизмом, и что в период написания «Логико-философского трактата» он занимал позиции жесткого антипсихологизма, обосновать достаточно просто. Ко времени завершения работы над «Трактатом» и его первой публикации в 1921 г. достоинства фрегевского антипсихологизма по сравнению с психологизмом были очевидны для Витгенштейна. В предисловии к «Логико-философскому трактату» Витгенштейн пишет, что не будет соотносить свою позицию с позицией других философов, но все же не может не отметить выдающиеся работы Фреге и Рассела, которые в значительной степени стимулировали его исследования¹. Думаю, антипсихологизм у Витгенштейна этого периода присутствует в качестве одного из постулатов его концепции. В поздних работах Витгенштейн достаточно часто критикует Фреге (при условии, что явным образом в своих работах он вообще редко называет какие-то конкретные имена).

В бессубъектной гносеологии раннего Витгенштейна истина и познание не зависят от человека или человечества, от возможностей познающего субъекта или социума. Как известно, в

концепции раннего Витгенштейна с функциями гносеологии вполне справляется бессубъектная логика.

Иначе выстраивается концепция позднего Витгенштейна. «В работах западных исследователей отмечается, что критерии в поздней концепции Витгенштейна описывают характер взаимоотношений языка и мира. Многие витгенштейнианцы в последнее время даже утверждают, что с помощью понятия критерия Витгенштейн будто бы хотел описать новый, неизвестный классической логике вид логической связи. В соответствии с данной точкой зрения, критериальные отношения занимают как бы промежуточное положение между индукцией и дедукцией. Они сильнее простых индуктивных свидетельств, ибо в их основе лежат концептуальные связи. В то же время критериальные отношения не обладают аподиктичностью дедуктивного вывода»².

Возвращаясь к идеям философии раннего Витгенштейна, хотела заметить, что в ней антипсихологистические идеи прочитываются в характеристике гносеологического статуса психологии, в витгенштейновском отношении к проблемам субъекта в целом. Витгенштейн не принимает тезис психологизма о психологистических основах других наук. Он пишет:

«Психология не ближе к философии, чем любая другая естественная наука. Теория познания есть философия психологии. Не соответствует ли мое изучение знакового языка изучению мыслительного процесса, который философы считали таким существенным для философии логики? Только они запутались большей частью в несущественных психологических исследованиях, и аналогичная опасность грозит и моему методу» (ЛФТ, § 4.1121).

Анализируя пропозициональные формы предложений, предложения типа «А думает, что р имеет место» или «А мыслит р» (ЛФТ, § 5.541), Витгенштейн сначала относит их к предложениям психологии, а затем сводит к форме «р говорит р». На этом основании он формулирует вывод, имеющий явно антипсихологистический характер:

«Это также показывает, что душа – субъект и т.д., – как она понимается в современной поверхностной психологии, есть небылица» (ЛФТ, § 5.5421).

Различным психологическим формам созерцания мира Витгенштейн противопоставляет логический путь решения проблем. В этот период он утверждает:

«...логика есть до всякого опыта» (ЛФТ, § 5.552, с. 79),

«мыслящего, представляющего субъекта нет», в основе написания книг должен лежать «метод изоляции субъекта, или, скорее, показа, что в некотором важном смысле субъекта нет, т.е. о нем одном не может идти речь в этой книге» (ЛФТ, § 5.631, с. 81).

Крайности витгенштейновского антипсихологизма эпохи ЛФТ являются, на мой взгляд, противопоставлением именно крайностям психологизма, который фактически требовал сведения результатов всех наук к анализу субъекта, выяснению того, кто действует в той или иной области знания. Для Витгенштейна этого периода субъект не принадлежит миру, но является его границей. В противоположность позиции психологизма Витгенштейн утверждает:

«...действительно имеется смысл, в котором в философии можно не психологически говорить о Я. Я выступает в философии благодаря тому, что “мир есть мой мир”. Философское Я есть не человек, человеческое тело или человеческая душа, о которой говорится в психологии, но метафизический субъект, граница – а не часть мира» (ЛФТ, § 5.641, с. 82).

Это, полагаю, явным образом сформулированная критика психологизма, которая, опять-таки, прослеживается

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Иностранная литература, 1958. С. 29. В дальнейшем при цитировании «Логико-философского трактата» (ЛФТ) ссылка на соответствующие параграф и страницу будут приводиться в тексте после цитаты в круглых скобках.

² Грязнов А.Ф. Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна: критический анализ. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 138, 139.

явным образом в ЛФТ, несмотря на афористичность изложения. «В этот период он действительно старался строго придерживаться антипсихологической линии Фреге»¹. Здесь «бацилла» антипсихологизма обозначена самим Витгенштейном четко и определенно.

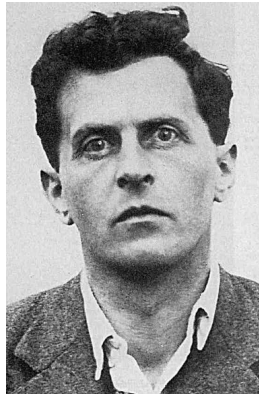
Совсем по-другому обстоит дело с поздним Витгенштейном в плане его отношения к проблемам психологизма и антипсихологизма. Я считаю, эта проблематика по-прежнему сохранилась в контексте его размышлений. Но позиция позднего Витгенштейна и в данном вопросе изменилась. В поздний период своего творчества он, на мой взгляд, отвергает как психологизм, так и классическую версию антипсихологизма. Его позицию я охарактеризовала бы как антипсихологизм и анти-антипсихологизм, по отношению к которому не работает логический закон двойного отрицания, т.е. двойное отрицание не приводит к утверждению отрицаемого. У позднего Витгенштейна присутствуют скорее не явные критерии такой позиции, а именно ее симптомы. То, что «не написал» Витгенштейн, можно иногда найти записанным другими. Так, Н. Малкольм² в своих воспоминаниях о Витгенштейне³ и в статье «Мур и Витгенштейн о значении выражения „Я знаю“»⁴ рассказывает, как взгляды Мура, дискуссия между ним и Малкольмом оказали неожиданное «влияние на генезис взглядов Витгенштейна, отраженных в его последних записных книжках, опубликованных уже после его смерти под названием «О достоверности» («Über Gewissheit» – «On Certainty»)⁵.

Даже частичные реконструкции этапов формирования витгенштейновских идей способствуют их пониманию, более широкому введению этих идей в контекст употребления в культуре, как я бы это охарактеризовала. Несомненно, Витгенштейн – один из величайших мыслителей XX в. Но и величайший мыслитель, и просто думающий человек во многом формируются под влиянием других людей, на фоне уже сформировавшихся идей, в частности, ЛКД, уже занявших свое место в культуре. Это влияние может быть охарактеризовано как влияние благодаря чему-то, может, как вопреки чему-то, но мыслитель, просто мыслящий человек никогда не формируются вне мира, в котором они живут. О некоторых влияниях, как уже отмечалось, Витгенштейн пишет сам ясно и определенно, о некоторых он «не написал», некоторые, как и у других людей, может быть, просто не зафиксировались в его сознании в качестве влияний. Тем не менее по имеющимся текстам подобные влияния могут быть частично реконструированы. Я как раз хочу показать, что в текстах позднего Витгенштейна в качестве пресуппозиций некоторых его утверждений присутствуют элементы старого, казалось бы, уже завершенного спора между психологизмом и антипсихологизмом. Его неявное присутствие в текстах позднего Витгенштейна связано, как представляется, с тем, что Витгенштейна уже не устраивает не только психологистическое решение проблем, но и фрегевский антипсихологизм. Тогда как сама проблематика, по поводу которой сформировалось противостояние психологизма и антипсихологизма, осталась в сфере интересов Витгенштейна.

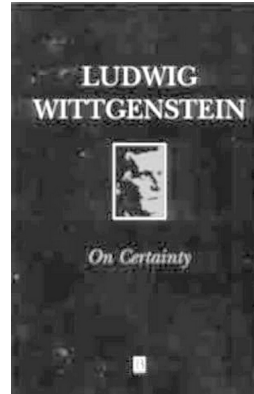
Факт, что эти пресуппозиции творчества позднего Витгенштейна в литературе не исследовались, мне кажется, связан со следующим: к моменту публикаций работ позднего Витгенштейна позиции антипсихологизма были устойчивы, недостатки психологизма очевидны, сама дискуссия уже как бы не существовала, а понятия «психологизм» и «антипсихологизм» в актуальной философско-методологической лексике того периода практически не использовались. Витгенштейн вовсе не реабилитирует психологизм, но как бы подчеркивает допустимость, хоть и с ограничениями, некоторых его положений. Вместе с тем без декларации, что вот сейчас он будет критиковать идею, сформировавшуюся в рамках психологизма, он просто показывает ее недостатки. То же самое касается классического фрегевского антипсихологизма. Думаю, эту позицию можно проиллюстрировать, «показать», как она проявляется в конкретных текстах Витгенштейна.

Тем более что в подходе позднего Витгенштейна есть неприятие как психологистической, так и антипсихологистической позиции, в частности, в решении проблем значения. Думаю, можно говорить о наличии «симптомов» того, что «воображаемыми собеседниками» Витгенштейна в его критике идеи персонального языка были представители психологизма в лингвистике, но одновременно и их оппоненты. Витгенштейн как бы спорил с представителями обеих сторон антитезы «психологизм – антипсихологизм». Что же он им противопоставил?

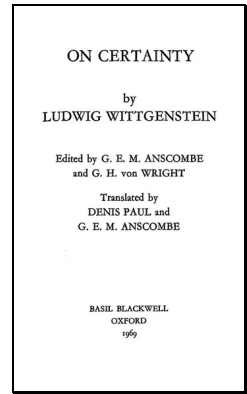
В самом общем виде я ответила бы на этот вопрос следующим образом. Безбрежности, неуправляемости значений, принципу ассоциативности в образовании связей между словами и их значениями, характерным для психологизма, *Витгенштейн противопоставил рассмотрение языковой деятельности, языковой коммуникации как основывающихся на следовании правилу.* Однозначности, «истинности значения», значению как самостоятельной сущности

Людвиг Витгенштейн.
Фото 1929 г.

Обложка (слева) и титульный лист (справа) первого издания «О достоверности» (*Über Gewissheit / On Certainty*. Oxford, 1969)

¹ Там же. С. 73.

² Норман Малькольм (Norman Malcolm, 1911–1990) – американский философ аналитического направления, исследователь проблем познания, достоверности, памяти и сна.

³ Malcolm N. *Ludwig Wittgenstein: A Memoir*. Oxford, 1958, pp. 87–93.

⁴ Малкольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я знаю» // *Философия, логика, язык*. М.: Прогресс, 1987. С. 235, 236. Джордж Эдвард Мур (George Edward Moore, 1873–1958) – английский философ, один из родоначальников (наряду с Л. Витгенштейном и Б. Расселом) аналитической традиции в философии.

⁵ Там же. С. 235.

в антипсихологизме он противопоставил значение как употребление. Но не в качестве абсолютного принципа, как это иногда трактуется в критической литературе, а в плюралистическом, многозначном духе самого Витгенштейна. Данную идею он формулирует следующим образом:

«Для огромного класса случаев, хотя и не для всех, в которых мы используем слово “значение”, его можно определить так: значение слова есть его употребление в языке»¹.

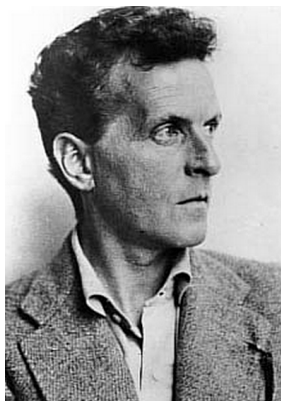
Какими же непосредственно витгенштейновскими аргументами можно подтвердить сформулированный выше ответ? Какие еще «симптомы» наличия проблематики антитезы «психологизм – антипсихологизм» в текстах Витгенштейна можно предъявить?

В критических размышлениях Витгенштейна, в выражении им своей собственной позиции большое место отводится вопросу как форме выражения мысли, средству реконструкции проблемы, способу включения возможного читателя-собеседника в обсуждение проблем. Такая тенденция была свойственна как раннему Витгенштейну, так и позднему. Тексты всех его периодов насыщены вопросами. И в ранних, и в поздних проводится теоретический анализ роли вопросов в познании. В «Логико-философском трактате» он пишет:

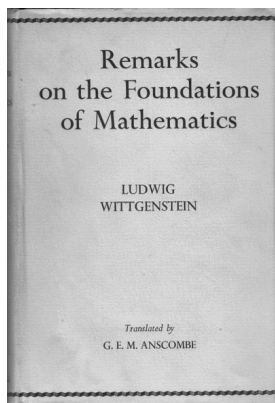
«...в философии вопрос “Для чего мы, собственно, употребляем данное слово, данное предложение?” всегда приводит к ценным результатам» (ЛФТ, § 6.211);

«если вопрос вообще может быть поставлен, то на него можно также и ответить» (ЛФТ, § 6.5);

«...вопрос – только там, где существует ответ, а ответ – только там, где что-нибудь может быть сказано (ЛФТ, § 6.51).

Людвиг Витгенштейн.
Фото 1930 г.

Обложка первого издания
«Заметках по основаниям
математики» (*Remarks on
the Foundations of
Mathematics / Bemerkungen
Über Die Grundlagen Der
Mathematik*. Oxford, 1956)

Эти идеи он развивает в поздних исследованиях. В «Заметках по основаниям математики» Витгенштейн еще раз подчеркивает роль вопросов в философских размышлениях:

«В философии всегда полезно ставить вопрос вместо того, чтобы давать ответ на вопрос. Ибо ответ на философский вопрос легко может оказаться неправильным. Но освобождение от него с помощью другого вопроса таковым не является»².

Придерживаясь этих идей, Витгенштейн в «Философских исследованиях» свои возражения психологизму, постулировавшему возможность существования индивидуального языка, формулирует в частности, в виде вопроса:

«Можем ли мы также вообразить язык, с помощью которого человек был бы способен написать или выразить голосом свой внутренний опыт – переживания, настроения и пр. – для индивидуального употребления?...»³.

Витгенштейн описывает ситуацию, в которую в таком случае попадает этот человек, чьи непосредственные индивидуальные ощущения не сможет понять никакой другой человек. Но это лишь описание ситуации, которая может возникнуть в случае использования такого индивидуального языка. Свой же вопрос Витгенштейн задает на базе уже подготовленного им самим варианта ответа в его размышлениях о роли правила в языковой коммуникации. Вот только некоторые из этих размышлений, позволяющие Витгенштейну сформулировать вопрос о возможности существования индивидуального языка и одновременно подготовить отрицательный ответ на него.

«Есть ли то, что мы называем «подчинением правилу», нечто, что может сделать только один человек и только раз в своей жизни? Разумеется, это замечание о грамматике выражения “подчиняться правилу”. Невозможно, чтобы был только один случай, в котором некто подчинился правилу (...). Подчиняться правилу, делать сообщение, отдавать приказ, играть в шахматы – все это суть обычаи (употребления, установления). Понять предложение означает понять язык. Понять язык же означает овладеть некоторой техникой»⁴.

Витгенштейн показывает: правилу невозможно подчиняться индивидуально; понять язык можно лишь в системе отношений, характеризующих «общераспространенное поведение человечества».

Есть и другие «симптомы» критики идей психологизма в витгенштейновских текстах. Для психологизма было важно подчеркнуть индивидуальность ощущений, специфику внутренних духовных процессов, роль интроспекции в познании, действие законов ассоциации в образовании значений слов, возможность существования индивидуального языка как высшей формы индивидуализации и т.д. По каждой из этих психологических установок можно найти непосредственную критику в витгенштейновских текстах позднего периода. В отличие от раннего Витгенштейна эта критика неоднозначна. Она может строиться в форме полного неприятия и резкой критики.

¹ Витгенштейн Л. Избранные тексты... § 43. С. 65.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 71, 243.

⁴ Там же. § 199.

«Не пытайся анализировать свой собственный опыт»¹.

«Заблуждения и пустоту психологии нельзя объяснить, назвав ее “молодой наукой”... Ибо в психологии есть экспериментальные методы и концептуальная путаница»².

Но критика может строиться и с возможностью учета в какой-то ограниченной сфере некоторых установок психологизма. Это проявляется, например, в признании, что

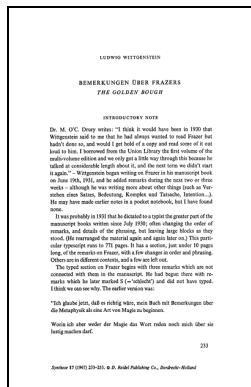
«умственный дискомфорт, «возникающий в связи с неудовлетворительным языковым обозначением, может быть вызван различными ассоциациями, то есть косвенно, в отрицательном плане, но Витгенштейн признает возможность участия ассоциативных процессов в языковой деятельности»³.

Это мысль из «Голубой книги» Витгенштейна. Она есть и в «Философских исследованиях», где Витгенштейн рассматривает «указательное обучение словам» как установление ассоциативных отношений между словом и вещью⁴. Он вскрывает ограниченность такого способа обучения, но признает факт его существования, т.е. факт возможности использования ассоциативных связей в языковой деятельности. В качестве примера, в котором дается теоретическое обоснование такого способа обучения, Витгенштейн рассматривает воспоминания Августина из его «Исповеди», тот фрагмент, где описывается способ обучения, основанный на остенсивных определениях и отождествлении значения слова с конкретными объектами.

«Мы могли бы сказать, – пишет Витгенштейн, – что Августин описывает некоторую систему понимания; только этой системой является не все то, что мы зовем языком. И это же следует говорить во многих случаях, где встает вопрос: “Пригодно ли это представление или непригодно?” Ответ таков: “Да, пригодно; но только для этой узко очерченной области, а не для целого, на мыслительный охват которого ты претендовал”»⁵.

Людвиг Витгенштейн.
Фото 1947 г.

Первая страница первой публикации «Заметок о “Золотой ветви” Дж. Фрэзера» (“Bemerkungen über Frazers.” *Synthese* 17.1 (1967): 233–253)

«Симптомы» того, что Витгенштейн как бы соотносит свою позицию с идеями психологизма, можно найти и в других его работах. Так, в «Заметках о “Золотой ветви” Дж. Фрэзера» Витгенштейн, критикуя фрэзеровские объяснения происхождения древних обрядов, замечает, что «во всех этих обрядах можно, конечно, увидеть что-то подобное ассоциации идей и связанное с ними. Можно говорить об ассоциации обычаев»⁶, но все это, по Витгенштейну, явно недостаточно для объяснения внутренней природы какого-то обряда.

Я привела все эти примеры для того, чтобы показать следующее. Идеи психологизма либо абсолютно отрицаются Витгенштейном, либо признается возможность их применения в весьма ограниченной сфере, но в данном случае для меня важно показать тот факт, что они присутствуют в его текстах. То же самое касается идей антипсихологизма: по отношению к ним Витгенштейн прошел путь от принятия их в качестве постулатов в «Логико-философском трактате» до критики в своих поздних работах. Это выразилось и в новой трактовке структуры языка, проблем истины, значения, в новом понимании места логики в познании. Оказалось, не только психологию, но и логику нельзя положить в основание всех наук, ибо ей тоже не присуща всеобщая значимость.

Обыденный язык вступил в конфликт с логицистскими, антипсихологистическими установками.

«...Кристалльная чистота логики у меня не получилась, – пишет Витгенштейн, – она представляет собой лишь некоторое требование»⁷.

В контексте дискуссии между психологизмом и антипсихологизмом можно сказать: в рамках творческой эволюции Витгенштейна его не устроили позиции обеих сторон, противопоставление его аргументов аргументам каждой из сторон в качестве «симптомов» можно обнаружить в текстах позднего Витгенштейна.

Сравнение (вполне в соответствии с принципом Витгенштейна: «Не думай, а смотри!») текстов позднего Витгенштейна, например «Философских исследований», с текстом, который, на мой взгляд, можно было бы назвать манифестом антипсихологизма – текстом статьи Фреге «Мысль: логическое исследование», – создает впечатление, что во многих фрагментах Витгенштейна идет как бы целенаправленный спор с идеями, изложенными в антипсихологистической программе Фреге. В качестве «симптома» этого я рассматриваю буквальное использование поздним Витгенштейном для обоснования своей новой позиции примеров, приведенных Фреге для иллюстрации и обоснования программных установок антипсихологизма.

¹ Там же. С. 78.

² Там же. С. 80.

³ Там же. С. 58.

⁴ Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. С. 81.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ Витгенштейн Л. Заметки о книге Дж. Фрэзера «Золотая ветвь» // Историко-философский ежегодник, 1989. М.: Наука, 1989. С. 258.

⁷ Витгенштейн Л. Философские исследования. С. 123.

Для антипсихологической позиции Фреге очень важно провести различие между внутренним миром и внешним, доказать существование мысли «самой по себе». Внутренний мир, по Фреге, предполагает того, внутри кого он существует¹. Рассматривая проблемы внешнего мира, он замечает:

«Признавая существование внешнего по отношению ко мне мира, я подвергаю себя опасности заблуждения»².

Наконец, третью область, ради которой проводится все это исследование, он характеризует следующим образом:

«Мысль не относится ни к представлениям из моего внутреннего мира, ни к внешнему миру, миру чувственно воспринимаемых объектов»³.

Витгенштейн не устраивает жесткое разделение мира, в котором мы живем, на три независимых мира. И, переходя от метафизического употребления слов к их обыденному использованию⁴, он просто замечает: внутренний процесс нуждается во внешнем критерии⁵. В свою очередь, Фреге для обоснования необходимости проведения жесткого различия между тремя мирами анализирует различные чувственные впечатления, соотнося их с выделенными мирами. Так, чувственные впечатления цвета возникают, по Фреге, только в сознании конкретного носителя.

«Слово “красный”, – пишет он, – если оно предназначено не для указания на некоторые свойства объектов, а для обозначения чувственных впечатлений, принадлежит моему сознанию, применимо только в области моего сознания; в этом случае сравнение моих впечатлений с впечатлениями другого человека невозможно»⁶.

Аналогичная ситуация возникает и при анализе слова «боль». Фреге доказывает: два человека не могут обладать одним и тем же внутренним миром, использовать те же самые чувственные впечатления.

«Моя боль, – отмечает Фреге, – не может принадлежать никому другому. Кто-то другой может испытывать сострадание ко мне; но при этом моя боль будет всегда принадлежать мне, а его сострадание – ему. Он не испытывает моей боли, а я не испытываю его сострадания»⁷.

В результате оказывается, что в разорванных мирах складываются сложные отношения между врачом и пациентом.

«Больной, который испытывает боль, является носителем этой боли; однако врач, который размышляет о причинах боли, не является носителем этой боли. (...) Правда, с болью пациента может быть связано некоторое представление о ней в сознании врача; но это представление не есть боль, не есть то, на устранение чего направлены усилия врача»⁸.

Я сознательно оставляю эти тексты почти без комментариев. Мне важно просто представить здесь тексты Фреге, написанные им в связи с его программой антипсихологизма, и тексты позднего Витгенштейна, чтобы на них можно было «посмотреть», затем ответить на некоторые вопросы. Действительно ли о позиции позднего Витгенштейна можно говорить как об анти-антипсихологизме, т.е. о неприятии, критике им антипсихологической программы Фреге? Означает ли это для Витгенштейна возвращение психологизма или его оправдание?

Итак, как анализирует те же самые слова, их значение Витгенштейн? Он часто обращается к анализу значения этих слов, но каждый раз в его позиции как бы отрицается точка зрения, высказанная Фреге. Витгенштейн отказывается от фиксированного значения слов, соотносящегося с каким-то качеством конкретных предметов, либо принадлежащего выделенному внутреннему миру. Он стремится преодолеть предложенный Фреге разрыв между мыслью и представлением.

«Мы изучаем, – пишет Витгенштейн, – не феномен (например, мысль), но понятие (например, понятие мышления), а потому и употребление слов»⁹.

Витгенштейн анализирует способы употребления слова «красный» в зависимости от правил определенной языковой игры, внутри выделенной языковой системы. Он утверждает:

«...нельзя сказать *красное отсутствует*, так как если бы красное не существовало, то о нем вообще нельзя было бы говорить».

Он понимает высказывание «*красное существует*» как высказывание, «что слово красный имеет значение». Завершая эти рассуждения, Витгенштейн пишет: говоря о слове «*красный*», надо говорить о его употреблении. И, словно возражая Фреге, замечает:

«В действительности, однако, мы весьма охотно говорим, что некоторый определенный цвет существует; и это означает: существует нечто, имеющее этот цвет. И первое выражение не менее точно, чем второе; особенно там, где “имеющее этот цвет” не является физическим предметом»¹⁰.

¹ Фреге Г. Мысль: Логическое исследование // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 31.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 43.

⁴ Витгенштейн Л. Избранные тексты... С. 68, 69, 116.

⁵ Там же. § 580. С. 76.

⁶ Фреге Г. Указ. соч. С. 31, 32.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Там же. С. 40.

⁹ Витгенштейн Л. Избранные тексты... § 383. С. 74.

¹⁰ Витгенштейн Л. Философские исследования. С. 105.

Поэтому, по Витгенштейну, возможен и такой ответ на вопрос о знании некоторого цвета:

«Как я знаю, что этот цвет Красный? – В качестве ответа можно было бы сказать: “Я изучил немецкий”»¹.

Иначе, чем Фреге, трактует Витгенштейн значение слова «боль».

«В каком смысле ощущения индивидуальны? Пожалуй, только я могу знать, действительно ли мне больно; другой человек может об этом лишь предполагать. В одном плане (такое объяснение) ложно, а в другом является nonsensом. Если ты употребляешь слово «знать» так, как оно обычно употребляется (а как же иначе мы можем его употреблять?), то другие люди в таком случае очень часто знают, больно ли мне. Это так, но опять же не с той достоверностью, с которой я знаю об этом сам! Обо мне вообще нельзя сказать (разве что только в шутку), что я знаю о том, что мне больно. Что же это могло бы обозначать, кроме, вероятно, того, что мне больно?»

Нельзя сказать, что другие люди узнают о моих ощущениях только по моему поведению, ибо нельзя сказать, что я их узнаю. Я их имею. Истина в следующем: имеет смысл говорить, что другие люди сомневаются, больно ли мне, но обо мне сказать такого нельзя»².

Обсуждение значения слова «боль» можно найти еще в нескольких фрагментах Витгенштейна, и везде оно рассматривается в связи со словом «употребление». И, может быть, витгенштейновский афоризм («И когда мы говорим, что кто-то дал название боли, то заранее предполагается существование грамматики слова «боль»), тоже соотносится именно с размышлениями Фреге?

Можно привести и другие примеры соотносительности антипсихологистического манифеста Фреге с мыслями позднего Витгенштейна, в которых проводится *противопоставление идее существования значения как выделенного объекта понимания значения как употребления*. И Фреге, и Витгенштейна волнует употребление слова «я».

Один из аспектов этой проблемы Фреге связывает с использованием собственных имен. Для собственных имен наиболее важным он считает определение, каким образом выделяются носители имени. Фреге формулирует следующий императив:

«Необходимо... потребовать, чтобы каждому имени собственному был сопоставлен единственный способ, которым задается тот, та или то, кто обозначается этим именем»³.

Вновь, словно специально возражая этой идее Фреге, исследует проблему «я», имени собственного Витгенштейн. Он анализирует проблему собственного имени в общем контексте проблем именования:

«Именами мы называем весьма различные вещи; слово *имя* характеризует многие разнообразные типы употребления слова, связанные друг с другом многими различными способами...»⁴.

Продолжая эту мысль, в следующем фрагменте Витгенштейн замечает:

«Необходимо отметить, что, если называть «значением» вещь, соответствующую слову, то это употребление слова значение находится в противоречии с правилами языка. Это значит смешивать *значение* имени с носителем имени. Когда умирает господин N, то говорят: умер носитель имени, а не умерло значение имени. И было бы бессмысленно говорить, будто, раз имя перестало обладать значением, то не имеет смысла говорить Господин N умер»⁵.

В отличие от Фреге, Витгенштейн показывает, что имя, включая собственное, может употребляться без жесткого значения⁶.

Проблемы, обсуждаемые Фреге в статье «Мысль: логическое исследование», являются у него лишь аргументами для доказательства независимого существования мысли. Последний пример, приведенный Фреге, звучит в мажорном ключе: автор сумел доказать реальность существования мира мыслей, его несводимость к миру физических объектов.

«Насколько отличается процесс передачи молотка от процесса передачи мысли!», – восклицает Фреге⁷.

А как отвечает на этот пример Витгенштейн? Несмотря на свою афористичность, весьма буднично. Он кладет молоток в ящик с другими инструментами и утверждает:

«Сколько различны функции этих предметов, столь же различны и функции слов. (И в обоих случаях есть и сходства)»⁸.

Подводя итоги этого сравнения и всего предыдущего анализа, проведенного в тексте, думаю, можно говорить о наличии «симптомов» присутствия темы «психологизм – антипсихологизм» в творчестве Витгенштейна, несмотря на то, что об этом он нигде явно не говорит. Она присутствует в его текстах как сформировавшаяся ЛКД эпохи. Если Витгенштейн «Логико-философского трактата» изучает «знаковый язык», боится, не хочет запутаться в психологии (ЛФК, § 4.1121), а поэтому изгоняет субъекта из своей логической теории познания, то для позднего Вит-

¹ Витгенштейн Л. Избранные тексты... С. 74.

² Там же. § 246. С. 72.

³ Фреге Г. Указ. соч. С. 29.

⁴ Витгенштейн Л. Философские исследования. § 38. С. 95.

⁵ Там же. § 40. С. 96.

⁶ Там же. § 79. С. 113, 114.

⁷ Фреге Г. Указ. соч. С. 46.

⁸ Витгенштейн Л. Философские исследования. § 11. С. 83.

генштейна все это не страшно. Он возвращает субъекта в свою философию, но не как переживающего и интроспектирующего носителя индивидуального языка из психологизма, а как действующего субъекта, участвующего в соответствии с правилами в совместных языковых играх. Этот субъект формулирует разные цели, не живет в мире жестко фиксированных сущностей, приписывает словам значение в зависимости от употребления, свое «говoreние» на языке влетает в предшествующий опыт, находится в различных коммуникативных пространствах вместе с другими субъектами и с самим собой, представленным в разных коммуникативных практиках.

ЛКД-методология, использованная в данной статье, как раз и позволяет показать то, как субъектно-ориентированная среда влияет на коммуникативные процессы протекающие, в данном случае, в коммуникативных пространствах миров психологизма и антипсихологизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. Заметки о книге Дж. Фрэзера «Золотая ветвь» // Историко-философский ежегодник, 1989. М.: Наука, 1989. С. 251–268.
2. Витгенштейн Л. Избранные тексты // Грязнов А.Ф. Материалы к курсу критики современной буржуазной философии (Философия языка Л. Витгенштейна). М.: МГУ, 1987.
3. Витгенштейн Л. Лекция об этике (1929 или 1930 г.) // Историко-философский ежегодник, 1989. М.: Наука, 1989. С. 238–245.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Иностранная литература, 1958.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. С. 79–128.
6. Грязнов А.Ф. Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна: критический анализ. М.: Изд-во МГУ, 1985.
7. Грязнов А.Ф. Этическая проблематика в трудах Л. Витгенштейна // Историко-философский ежегодник, 1989. М.: Наука, 1989. С. 235–238.
8. Грязнов А.Ф. «Скептический парадокс» и пути его преодоления // Вопросы философии. 1989. № 12. С. 140–150.
9. Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск: Изд-во Томского университета, 2005.
10. Малкольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я знаю» // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 234–263.
11. Медведев Н.В. Витгенштейн о культуре и человеческой природе // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: Сб. научных статей. Вып. IV. СПб., 2006. С. 34–40.
12. Медведев Н.В. Л. Витгенштейн и проблемы кросс-культурного понимания. Дисс. ... д. ф. н. Табов, 2007.
13. Сорокина Г.В. Методология логико-культурной доминанты: психологизм, антипсихологизм, субъект [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». 2013. Т. 3. Вып. 2. Режим доступа: <http://e-almanac.space-time.ru/index/tom-3.-vyipusk-2/>.
14. Фреге Г. Мысль: Логическое исследование // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 18–47.
15. Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии, М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
16. Хинтиikka Я. О Витгенштейне. М.: Канон+, 2013.
17. Baker G.P., Hacker P.M.S.. "Frege's Anti-Psychologism." *Perspectives on Psychologism*. Leiden: Brill, 1989, pp. 75–137.
18. Baker G.P., Hacker P.M.S. "On Misunderstanding Wittgenstein: Kripke's Private Language Argument." *Synthese* 58.3 (1984): 407–450.
19. Beaney M., ed. *The Oxford Handbook of the History of Analytic Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
20. Bloor D. *Wittgenstein, Rules and Institutions*. London: Routledge, 1997.
21. Campbell C. "Categorical Indeterminacy, Generality and Logical Form in Wittgenstein's Tractatus." *European Journal of Philosophy* 22.1 (2014): 138–158.
22. Copi I.M., Beard R.W. *Essays on Wittgenstein's Tractatus*. London: Routledge, 2013.
23. Currie G. "Frege on Thoughts." *Mind* 89.354 (1980): 234–248.
24. DeAngelis W.J. *Ludwig Wittgenstein—a Cultural Point of View: Philosophy in the Darkness of this Time*. Surrey, UK: Ashgate Publishing, Ltd., 2012.
25. Garavaso P., Vassallo N. *Frege on Thinking and Its Epistemic Significance*. New York, NY: Lexington Books, 2014.
26. Hutchinson P., Read R., Sharrock W. *There is No Such Thing as a Social Science. In Defence of Peter Winch*. Surrey, UK: Ashgate Publishing, Ltd, 2008.
27. Kripke S.A. *Wittgenstein on Rules and Private Language*. Oxford: Blackwell, 1982.
28. Malcolm N. *Ludwig Wittgenstein: A Memoir*. Oxford: Oxford University Press, 1958.
29. Reck E. "Frege's Influence on Wittgenstein: Reversing Metaphysics via the Context Principle." *Early Analytic Philosophy: Frege, Russell, Wittgenstein*. Ed. W.W. Tait. Chicago, IL: Open Court, 1997, pp. 123–185.
30. Shanker S. *Wittgenstein and the Turning Point in the Philosophy of Mathematics*. New York: State University of New York Press, 1987.
31. Venturinha N., ed. *The Textual Genesis of Wittgenstein's 'Philosophical Investigations'*. London: Routledge, 2013.
32. Wright C. *Wittgenstein on the Foundations of Mathematics*. Cambridge: Harvard University Press, 1980.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Сорокина, Г. В. Коммуникативное пространство психологизма и антипсихологизма (на примере философии Л. Витгенштейна — раннего и позднего) / Г.В. Сорокина // Пространство и Время. — 2015. — № 3(21). — С. 51—60. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st3-21.2015.21.